

БРАТЬЯ РЮРИКОВЫ

В ТЕНИ ИМПЕРАТОРА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б87

Братья Рюриковы.

Б87 В тени императора / Братья Рюриковы. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-237955-0

С наступлением девяностых годов маленький городок Петровск потрясает смена власти. У руля встает неудавшийся морской офицер Павел Солнцедаров... и в истории городка наступает черное время.

Контрабанда, аферы, доносы, кровавые убийства — Солнцедаров ни перед чем не остановится ради личного обогащения. Жаловаться бессмысленно, высшие инстанции куплены, в городе царят незаконные и произвол.

По всему Петровску стоят бронзовые памятники Петру Первому. Народ знает, что Петр все видит, все слышит. Павел же лишь отмахивается, считая это глупыми суевериями. Отмахивается до тех пор, пока Великий император не выносит ему смертельный приговор.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-237955-0

© Братья Рюриковы, 2026
© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Город Петровск. Наши дни

Мэр города Петровска Павел Иванович Солнцедаров всегда спал безмятежно, сном младенца или праведника. Совесть его была чиста. Но однажды он проснулся среди ночи, охваченный ужасом. Ему почудились шум, громкий крик. Ему слышалось: «За Петра ответишь!» Кто-то тяжело ступал под окнами. Потом раздался цокот копыт, и все стихло.

Утром мужчина, чертыхнувшись, пробормотал: «Что за гадость только не примерещится!» Но, отправляясь на работу, на всякий случай прошелся вдоль дома и — о боже! — под окном увидел следы копыт и бронзовую подкову. Солнцедаров не был человеком суеверным, в мистику не верил, однако подкову подобрал, положил в портфель и зашагал к единственному в Петровске конному памятнику императору.

Одной подковы не хватало! Павел Иванович достал из портфеля находку, сравнил... Мурашки пробежали по спине: один к одному. Он швырнул подкову в кусты и в полной прострации пошел прочь...

Часть первая

Плут

В ночь с 7 на 8 марта районный центр Петровск жил привычной сонной жизнью. Дремали все тридцать три бронзовых Петра. Петра Первого, основателя города. Ничто не предвещало беды.

Ровно в полночь в родильном доме № 2 тишину нарушил громкий победный крик. На свет появился мальчик. Принимавшие роды три женщины, словно добрые феи, склонились над младенцем. Внезапно дитя широко улыбнулось, показывая острые зубки.

— Ничего себе, чудо морское, — сказала самая старшая, врач Вера Павловна, и перекрестилась.

— Этот откусит свой кусок пирога, — добавила обстоятельная медсестра Надежда.

— Богатым будет. Какой мужик кому-то достанется! — завистливо прошептала практикантка Любочка.

— И глазки, как у нашего первого, синие-синие... — словно припоминая что-то, заключила Вера Павловна.

«Первым» в Петровске называли первого секретаря райкома партии Ивана Михайловича Петрушина.

Мальчик родился в самой обычной семье. Отец ребенка, Иван Никифорович Солнцедаров, окончил местное ПТУ, трудился на комбинате бытового обслуживания. Он был из тех, кого называют «мастер — золотые руки». Любимец окрестных пенсионерок, безотказный, он чинил все, что ломалось, от утюга

и кастрюли до телевизора. Зарабатывал хорошо. В общем, человек был положительный, незаменимый не только на работе, но и на любых культурных мероприятиях. На свадьбах, юбилеях, днях рождения его гитара звучала по-особенному проникновенно. Роста был он невеликого, неказистый, но что поражало в его облике — это необыкновенной синевы глаза, в которые заглядывались местные красавицы разного возраста.

Мама мальчика, Мария Антоновна, заведовала столовой. Железной рукой управляла она и коллективом, и супругом. В почти столичный Петровск судьба забросила ее из тихого провинциального городка. И не только судьба.

Перенесемся на пять лет назад в этот провинциальный городок Псковской области, который так и называется: Городок.

Ивана Михайловича Петрушина, занимавшего тогда ответственный пост в Петровском райкоме комсомола, руководство направило в Городок — там проходила важная конференция. И вот, после заседаний и знакомства с достопримечательностями, выполнив все запланированное, комсомольский лидер готовился к отъезду домой. До отправления автобуса оставалось немного времени, и Иван решил подкрепиться.

Искать приличную точку общепита было некогда, а тут перед глазами Петрушина, словно яркая вспышка, возникла вывеска «БУФЕТ». В сознании огнем полыхнули слова: «Мене, Текел, Фарес».

Для читателей, возможно, не столь образованных, как наш герой-комсомолец, поясним, что эти слова, согласно ветхозаветной Книге пророка Даниила, были начертаны таинственной рукой на стене во время пира вавилонского царя Валтасара незадолго

до падения Вавилона от рук персидского правителя Кира. В вольном переводе слова означают: «Взвешен, Исчислен, Оценен». И это не предвещало ничего хорошего.

Но судьба толкнула мужчину в спину, и он толкнул дверь буфета. Тонкое обоняние зафиксировало: пиво, квашеная капуста, жареные котлеты. Все это тонуло в клубах табачного дыма. Публика оказалась соответствующая: здоровенные мужики (очевидно, водители), потертые личности неопределенного возраста и профессий и несколько приличного вида пассажиров, тревожно озирающихся по сторонам. У Ивана Михайловича пропал аппетит, и он уже собрался покинуть заведение, как из клубов дыма, словно из тумана, появилась она! В голове зазвучали стихи:

*И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами...*

Отметим, что Петрушин был большим ценителем искусства. В живописи больше всего почитал Ренуара, Тициана и Кустодиева. Нетрудно догадаться, что он, невысокий, subtilный, женщин предпочитал крупных, с пышными формами, чтобы все радовало глаз: высокая грудь, тонкая талия, тяжелые бедра. Не «девяносто-шестьдесят-девяносто», а, пожалуй, «сто двадцать-шестьдесят-сто двадцать». Поэтому, когда Иван увидел девушку с подносом и в легком сарафане, по его телу пробежала дрожь: «Это же Кустодиевская Венера!» Все в ней соответствовало вкусу ценителя женской красоты. Даже простое лицо с грубоватыми чертами не портило впечатление.

«Вылитый Тихонов... — подумала девушка. — И глаза такие же синие!» Фотографии известного

киноактера Вячеслава Тихонова из художественного фильма «Мичман Панин» висели дома над ее кроватью. Подавая салат из огурцов, девушка склонилась над симпатичным посетителем, ощутив непривычный запах, очевидно, дорогого одеколона. «Пахнет-то как! Не то что наши...» Под «нашими» юная Мария понимала завсегдатаев буфета. А еще она обратила внимание на тонкие музыкальные пальцы: «Не то что лапищи у наших...»

Не будем описывать дальнейшее — все произошло словно само собой. Они встретились в тот же вечер. Руки интеллигентного молодого человека оказались ласковыми и неожиданно сильными. Ничто не могло остановить всепоглощающую страсть. Даже обручальное кольцо на пальце заезжего «принца». В тот вечер Иван Петрушин на автобус не попал.

Спустя несколько месяцев восемнадцатилетняя Маша Ефимова оказалась в Петровске, в небольшой комнатке малонаселенной коммунальной квартиры. Из старой жизни сюда она перевезла только фотографии любимых артистов и книги о путешествиях, которыми зачитывалась с детства. С жильем помог обожаемый Иван Михайлович. Он же устроил на работу.

Используя свои связи, Иван Петрушин, теперь уже первый секретарь райкома комсомола (культурный, образованный, любимец партийного руководства), карьеру делал быстро.

Он был женат. Супруга, натура изысканная, играла на скрипке в оркестре одного из известных театров Ленинграда. Могла рассуждать на любые темы и полностью соответствовала культурным запросам мужа. Особой красотой не отличалась, в профиль напоминала беззащитного вороненка. Ее худоба не вполне отвечала тайным вкусам Ивана, но в выборе спутни-

цы жизни главное достоинство невесты перевесило все остальное: она была единственной дочерью очень влиятельного человека.

Нетрудно представить себе состояние, в котором оказались Иван Михайлович и Маша. Оба получили то, о чем мечтали: он стал обладателем настоящего осязаемого сокровища, ее девичьи грезы стали реальностью — «принц на белом коне», своя комнатка с видом на море и работа по специальности рядом с домом — поваром в детском саду при самом богатом в городе заводе. И даже то, что видаться они могли лишь тайком и только в те вечера, когда законная супруга Ивана была занята в театре, не портило атмосферы радости и счастья.

Целый год продолжалась сказка, но все меньше времени оставалось у первого секретаря райкома комсомола на тайную личную жизнь. И, соответственно, все больше свободных вечеров появлялось у Марии.

Однажды, глотая слезы, Иван Михайлович сообщил Маше, что при всем желании не сможет встретиться с ней ни в этот четверг, ни в следующий, ни, возможно, через месяц. Его отправляют на учебу.

— Машенька, мне хотелось бы видеть тебя каждый день. Но развестись я не могу, ты же понимаешь. И терять я тебя не хочу, солнце мое! Но комсомольская совесть не дает мне права удерживать тебя, как жар-птицу в клетке. Это не значит, что я ухожу насовсем. Мы будем встречаться, если ты захочешь. Но ты свободна в принятии решений. Мы живем в самой свободной стране! — не удержался Иван Михайлович от пропагандистского штампа.

Они проплакали вместе всю ночь.

В дальнейшем Иван Михайлович Петрушин, делавший успешную партийную карьеру, будет появляться на страницах нашего романа нечасто, лишь

тогда, когда развитие сюжета без его вмешательства окажется невозможным.

Мария горевала целый месяц. По вечерам смотрела в окно, как солнце тонет в волнах Финского залива, и представляла себе, как тонет она сама. И как плачет над ее телом обожаемый Иван Михайлович. Она пыталась забыться, читая книги о путешествиях и приключениях. И даже дефицитный по тем временам телевизор марки «Заря» ленинградского завода имени Козицкого, подаренный любимым, не приносил успокоения ее страдающей душе.

Однажды в субботу, не в силах оставаться одна, девушка решила прогуляться. Она шла по Петровскому бульвару. Без всякой цели. С опущенной головой. Возникший перед ней бронзовый Петр (один из тридцати трех монументов великому императору, установленных в городе и играющих важную роль в нашем повествовании) изменил направление жизни Маши Ефимовой. Его рука указывала строго на юго-восток — там был парк. Именно оттуда доносились зажигательные звуки — оркестр исполнял модную песню «Черный кот». Мария послушно двинулась в указанном направлении.

Танцплощадка встретила Машу как родную. Родным здесь было для нее все: грохочущая музыка, раскрасневшиеся лица парней и девушек. И даже не самые приятные запахи пота, табачного дыма и дешевого портвейна не вызвали отторжения, хотя Иван Михайлович приучил Машу к более изысканным ароматам.

Девушка любила танцы. В родном Городке это было, пожалуй, главным развлечением по выходным. И свершилось чудо! Куда-то ушли тоска и уныние, словно оковы спали. Маша танцевала самозабвенно

и чувствовала себя неотразимой. Кавалеры сменяли один другого, парни говорили ей какие-то слова, но все партнеры были словно на одно лицо. Девушка целиком отдалась танцу.

Так было до того момента, когда ее неожиданно легко подхватил и закружил невысокий паренек. «С небольшой, но ухватистой силой, — мелькнуло есенинское в голове у Маши (она была девушкой начитанной). — А глаза-то, глаза! Господи, как у Ивана Михайловича, синие-синие!»

— Ну что, будем знакомиться? Иван, — сказал парень, ослепительно улыбаясь, совсем как актер Петр Олейников в фильме «Трактористы», и крепко прижал ее к себе.

— Мария, — прошептала она.

До конца вечера Иван и Мария не расставались. И даже когда парень предложил выпить за знакомство, она не отказалась. Отлучившись на минутку, Иван вернулся с двумя гранеными стаканами и початой бутылкой, украшенной ярко-желтой этикеткой.

— «Солнцедар», — значительно произнес он. — А я — Солнцедаров! Это моя фамилия. Не последний человек в городе!

В Петровске было рабочее общежитие, в котором жили друзья Ивана. В любой момент они были готовы подставить плечо другу, то есть уступить комнату. Туда и привел Солнцедаров свою новую знакомую.

Удивительно, но то, что произошло с ней, Мария не ощущала как измену Ивану Михайловичу. «Сам виноват, — мстительно думала она, — оставил девушку одну».

Надо признать, что Иван Солнцедаров произвел на нее впечатление. Веселый, обходительный, ласковый, зарабатывает хорошо. И сила в нем чувствуется.

Мужская. Посильнее будет, чем Иван Михайлович. И глаза!

Вскоре Маша Ефимова стала Марией Солнцедаровой. Иван Михайлович Петрушин воспринял эту новость как должное. Он был благородным человеком и даже оставил девушке все подарки, включая телевизор. Петрушин не хотел терять Машу окончательно. Конечно, он понимал, что девушка ему не ровня, его иногда коробили простота и некоторая вульгарность, но полностью отказаться от Марии Петрушин не мог. Над здравым смыслом и комсомольской моралью торжествовали кустодиевские формы. Не будем судить Машу за то, что впоследствии она уступала иногда страсти человека, который открыл перед ней новые возможности, изменил ее жизнь и помог материально.

Иван Солнцедаров переехал к супруге. Со временем они сумели чудесным образом улучшить жилищные условия — стали полновластными хозяевами квартиры, заполучив вторую комнату.

Мария Антоновна за пять лет сделала карьеру, прошла путь от повара в детском садике до завпроизводством в столовой самого крупного завода в Петровске — не без помощи Ивана Михайловича, теперь уже главного человека в городе, первого секретаря райкома КПСС. А муж, Иван Солнцедаров, все так же продолжал чинить, паять, ремонтировать и беспрекословно подчинялся своей Марии. А та бранила его, когда он приходил с работы под градусом.

Дом их был полная чаша, вот только детей Бог не давал. И даже всемогущий Петрушин помочь в этом вопросе не мог. Чего только не перепробовала Маша! Ездил к бабкам-целительницам, снадобья всякие пила, даже в церковь ходила (так, чтобы никто не видел, конечно).

Как-то в июне, гуляя в сквере Юных Пионеров, куда она приходила частенько, Мария с грустью наблюдала за играющими детьми. Наблюдал за детишками и бронзовый Петр, изваянный местным скульптором Ханыгиным. Сидящий на гранитном валуне император — центр композиции. Его окружают бронзовые дети, все как один в пионерских галстуках. Скульптура называется «Петр Первый и дети». «Батюшка, помоги!» — взмолилась молодая женщина. Бронзовый истукан безмолвствовал. Тогда Мария подошла к памятнику, прижалась лбом к теплому плечу Петра и заплакала. «Будет тебе мальчик», — послышалось ей.

Через девять месяцев Маша Солнцедарова родила сына Павлика. Радовались все: и Иван Никифорович Солнцедаров, и Иван Михайлович Петрушин, и, быть может, Петр Алексеевич (памятник).

Будучи уже в зрелом возрасте, Павел Иванович Солнцедаров раннее детство свое вспомнить не мог. Неясно всплывали лишь отдельные образы и впечатления.

Вот мать дает ему сырник, политый сгущенкой.

Вот они с отцом сидят с удочками на берегу. Поймали они тогда что-нибудь или нет, он не помнил, но помнил залитую солнцем морскую гладь и запах влажных водорослей, выброшенных на берег.

Вот он уютно устроился на коленях у матери. Она излучает тепло и ласку, губы ее шевелятся — мама читает ему книгу.

Вот он следит за руками отца, которые разбирают и собирают какой-то непонятный предмет.

А вот руки дяденьки в шляпе. Они протягивают большое шоколадное мороженое. Рядом смеется мама.